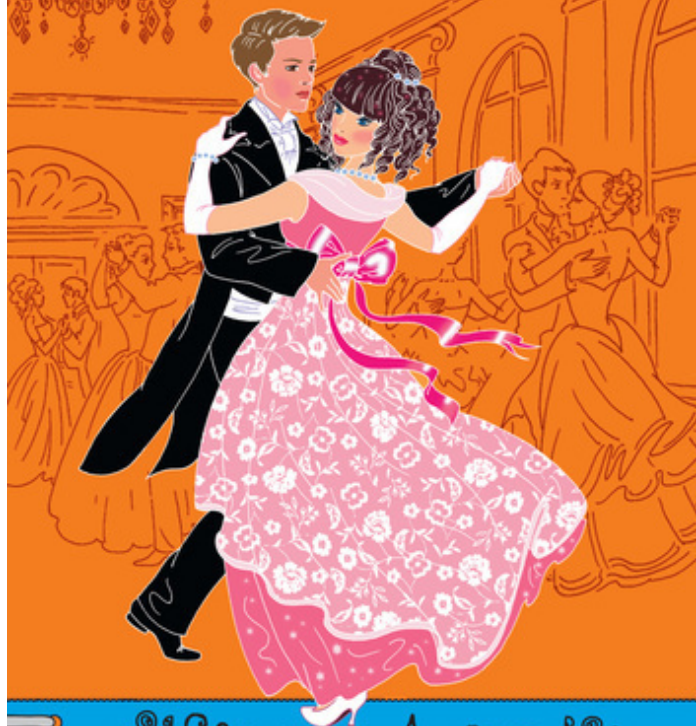

Бал моей мечты

❧ Светлана Лубенец ❧

Светлана Лубенец
Бал моей мечты
Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164022
Весенний подарок. Лучшие романы о любви: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26069-0*

Аннотация

Уезжая за границу, родители отдали Дашу в закрытый пансион. Странная форма, строгая дисциплина и одни девчонки вокруг – кому же это понравится! Но вдруг на школьный бал пригласили учеников мужской гимназии, и Даша познакомилась с красивым парнем. Сгорая от любви, она решилась назначить ему свидание...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Светлана Лубенец

Бал моей мечты

Ранее повесть «Бал моей мечты» выходила по названию «Пансион благородных девиц»

Глава 1

Пансион А.М. Бонч-Осмоловской

– Ну что это за юбка? Клеточки, складочки... Детский сад какой-то! – стонала Даша, одеваясь, чтобы идти в новую школу. – А гольфы? Это вообще – ясли! Кто в наше время ходит в гольфах? Вот Машка из 78-й квартиры себе на первое сентября такие брючата с цепями законтропупила! Умереть – не встать! А я – нате вам – в гольфиках с кисточками! Вы бы еще меня в памперсы засунули и слюнявчик мне повязали!

– Даша! Что за выражения! – возмутилась мама. – Где ты нахваталась? Если у этой твоей Машки из 78-й квартиры, то я просто счастлива, что теперь ты будешь учиться отдельно от нее в другой школе!

– Вы с папой будете счастливы, что не увидите меня целых полгода! И в этом все дело! – зло сказала Даша и брезгливо, двумя пальцами, сняла со стула белую простенькую блу-

зочку и синюю жилетку с позолоченными пуговицами. – Какая же это гадость! Жилеточки! Пуговики... Мама, ну скажи честно, неужели вы, мои родители, так мечтаете от меня избавиться? Разве я вам там помешала бы? Я могла бы учиться по учебникам сама, заочно, а потом вернулась в свою школу и сдала бы экзамены!

– Опя-а-ать, – раздраженно протянула мама и обеими руками схватилась за голову, помяв только что тщательно уложенную прическу. – Сколько можно? Дашка! Ты сведешь меня с ума? Мы же уже все обсудили, и ты сама признала этот вариант самым разумным. И что изменилось теперь?

– А теперь я думаю, что ошибалась! Не хотите брать с собой, оставьте здесь! Я вполне могу себя обслуживать! И суп умею варить, и курицу жарить! А со стиркой так вообще нет проблем: машина сама все сделает!

– Не-е-ет! Не могу-у-у! Ю-ю-юрра-а-а! – крикнула мама. – Иди сюда немедленно! Она опять завела старые песни о главном!

В дверном проеме показался взъерошенный отец в носках, рубашке, галстук и с брюками в руках.

– Ну что еще? – недовольно спросил он и, нелепо подпрыгнув, засунул одну ногу в штанину.

– Папочка! Миленький! – заголосила Даша. – Не сдавайте меня в этот пансион! Вы только посмотрите, какие глупые гольфики там носят! Если я выйду в них на улицу, меня же все обсмеют!

– Не успеют! Сразу из подъезда ты юркнешь в машину, и мы быстренько поедem! Всего-то делов! – папа сделал вид, будто не понял, что на самом деле дочь волнуют вовсе не гольфики.

– Ну папа! – Даша уже чуть не плакала. – Я не хочу в этот пансион! В этот приют! Я же не сирота!

– Не говори ерунды, Дарья! – папа на нервной почве никак не мог попасть ногой во вторую штанину. – Это никакой не приют, а очень дорогая частная школа и к тому же очень престижная! И вообще, мы уже давно обо всем переговорили! Ты прекрасно знаешь, что наш самолет улетает в восемь вечера и ничего изменить уже нельзя! Хватит трепать всем нервы! – Папа, так и не попав ногой во вторую штанину, безжалостно сжал ее в кулаке и вернулся в спальню, где одевался до этого.

– Дашенька, – мама обняла горько плачущую дочь. – Тебе потерпеть-то всего до Нового года! Если тебе не понравится в этом пансионе, то в январе ты вернешься в старую школу. А вдруг понравится? – Мама целовала Дашу в мокрые щеки и периодически смахивала со своих глаз мелкие слезинки.

В машине Даша забилась в угол на заднем сиденье и задумалась о своей несчастной судьбе. Самолетом, вылетающим в 20 часов 00 минут, ее родители летели в Хельсинки. Отец был талантливым архитектором, и какая-то очень значительная финская фирма заключила с ним контракт на пол-

года. За это время он должен был разработать проект коттеджного поселка. В прошлом году отец получил Гран-при на Европейском конкурсе коттеджного строительства, и после этого его буквально рвали на части западные фирмы. Папа и мама выбрали Финляндию, потому что, как они говорили, она ближе к родному Санкт-Петербургу. Свою единственную дочь Дашу на это время они решили отдать в открывшийся в прошлом году на Васильевском острове частный пансион.

Если бы победа на конкурсе случилась в прошлом году, то Дашу никуда не отдали бы, потому что с семьей архитектора Казанцева тогда еще жила теща, Зинаида Львовна, которая присматривала бы за внучкой. В прошлом апреле с тещей, которая по совместительству, конечно же, являлась еще и Дашиной бабушкой, произошло нечто непредвиденное и совершенно невероятное: она влюбилась. Мало того – еще и вышла замуж. Сначала, конечно, никто не знал о бабушкиной любви. Все только радовались, что Зинаида Львовна вдруг стала делать зарядку, обливаться холодной водой и наотрез отказалась от шоколадных конфет, которые до этого поглощала в неимоверных количествах. Мама даже пыталась подвигнуть на подобные решительные поступки Дашу.

– Ты посмотри на бабулю! – говорила она, пытаясь вытащить дочь из постели в воскресный полдень. – Скоро она будет выглядеть моложе тебя!

Даша вяло отбивалась, и лучшее, на что она была способна, так это на умеренно прохладный душ после сна по вы-

ходным дням.

Неладное заподозрили, когда Зинаида Львовна выкрасила свои седые волосы голубым оттеночным шампунем и купила накладные ногти.

– И что здесь такого! – отвечала она на расспросы удивленных домашних. – Я всю жизнь мечтала о длинных ногтях! Я же не виновата, что природа меня этим обделила и что мои собственные ногти все время ломаются!

– Мама! Ты больше пятидесяти лет обходилась без накладных ногтей, и – ничего! – возмущалась ее дочь, то есть Дашина мама. – Что за ребячество, в самом деле! Купила какую-то китайскую дрянь и радуешься, как младенец!

– Во-первых, не китайскую, а тайваньскую, – невозмутимо отвечала ей голубоволосая бабушка, – а во-вторых, это никакая не дрянь! Ты только погляди, как красиво они смотрятся! Я, знаешь ли, тебе тоже посоветовала бы приобрести. У тебя ногти-то тоже не очень... Потому что ты вся в меня.

Следующим этапом стало ухудшение бабушкиной стряпни вплоть до полного ее исчезновения. Сначала семья была переведена на сосиски и магазинные котлеты с макаронами, потом – на покупные пельмени. А однажды Даша и ее голодные родители, вернувшись домой, не обнаружили ни в кастрюлях, ни в сковородках, ни даже в холодильнике абсолютно ничего. С удивлением переглянувшись друг с другом, Казанцевы уселись на кухонные табуретки в коридоре у входной двери и стали ждать бабушку. Зинаида Львовна

вернулась с букетом длинноногих бордовых роз и легким запахом вина.

– Что это значит? – спросила ее дочь – то есть Дашина мама. – Ты покупаешь себе розы вместо того, чтобы купить семье элементарной колбасы?

– Хотя бы «Докторской»! – подхватил папа и сглотнул голодную слюну.

– Какие глупости вы говорите! – возмутилась Зинаида Львовна. – Как можно равнять розы с колбасой, тем более что я не вырвала из ваших ртов ни куска и ни копейки! Эти розы мне подарили!

– Кто? – рывкнула голодная семья в три рта.

– Один че-ло-век! – загадочно пропела бабушка и, протиснувшись между табуретками, прошла в комнату за вазой.

– Это уже вообще ни на что не похоже! – заявил теще знаменитый архитектор Казанцев, когда Зинаида Львовна протиснулась между ним и Дашей обратно на кухню и стала набирать в вазу воду. – В вашем-то возрасте!

– У меня самый замечательный во-зраст! – под аккомпанемент журчащей воды продолжала петь на кухне бабушка. – У меня уже абсолютно взро-ослая дочь! У меня уже вполне самостоятельная вну-учка! А я сама на пе-енсии и потому совершенно сво-о-ободная птица и могу наконец делать, что хо-о-очу!

– И что же ты собралась сделать? – сразу насторожившись, спросила Дашина мама.

– Я собралась, милые мои, выйти замуж! – громко заявила Зинаида Львовна, появившись в дверном проеме в обнимку с вазой. Бордовые розы в ней держались очень вызывающе.

– С ума сошла! – отреагировала Дашина мама.

– Ничего себе! – покачал головой Дашин папа.

– Вот здорово! – крикнула Даша и бросилась обнимать бабушку.

– Ты оскорбляешь память моего отца! – довольно резко и зло произнесла мама.

– А вот это уже, милочка, запрещенный прием! – тут же посерьезнела лицом Зинаида Львовна. – Я похоронила мужа десять лет назад и вовсе не забыла его, как ты, наверно, подумала. Память о нем будет со мной всегда! Но хочу хотя бы в конце жизни еще раз поверить в любовь живого мужчины, а не мыть без конца за вами посуду и варить вам бесконечные супы! Сами справитесь, не маленькие!

И бабушка гордо прошествовала в свою комнату вместе с розами.

Через пару недель она вышла-таки замуж за симпатичного Николая Ивановича и переехала в его собственный дом в поселке Сосново.

Осиротевшая семья с месяц перебивалась с яичницы на бутерброды и обратно, а потом как-то втянулась, вработалась, и сносный суп мог приготовить практически любой: начиная от восьмиклассницы Даши и заканчивая талантливым архитектором папой.

Когда Юрия Константиновича пригласили в Финляндию и встал вопрос, как быть с Дашей, помощь Зинаиды Львовны даже не обсуждалась.

— Мы со своими проблемами не можем нарушать первый год супружеской жизни наших молодоженов, — заявил папа. — Поэтому нам надо самостоятельно найти достойный выход из создавшейся ситуации.

Даша тогда его активно поддержала, потому что любила бабушку и радовалась ее счастью. А сейчас, сидя в папиной машине в нелепой форме частного пансиона, она жалела, что не предложила родителям, чтобы эти полгода бабушка со своим Николаем Ивановичем пожили бы у них в квартире и присмотрели за ней. Хотя чего за ней присматривать? Ей не пять лет. А если в этой школе такая идиотская форма для вполне взрослых девятиклассников, то ничего хорошего от нее ждать вообще не приходится.

Машина затормозила у величественного четырехэтажного особняка с лепниной по фронтому и даже с кариатидами, поддерживающими резные козырьки над двумя окнами с двух сторон парадных дверей. Все это: и белоснежные кариатиды, и кованый ажурный светильник на крыльце, и небольшая черная с золотом табличка на дверях с надписью «Пансион А.М. Бонч-Осмоловской» — имело такой основательный и внушительный вид, что Даша в своей короткой складчатой юбочке в клетку и белых гольфиках показалась себе

совсем маленькой, никчемной и почему-то не очень умной. Но надо отметить, что брюки с цепями, как у Машки из 78-й квартиры, здесь были бы еще более неуместны. В такой подъезд должны входить дамы в кринолинах XVIII века или, по крайней мере, в собольих шубах.

Тем временем папа нажал кнопку обычного электрического звонка, и спустя секунду дверь с легким чмоком плавно отошла от косяка. Папа потянул дверь за ручку в виде позолоченной львиной головы, и семья Казанцевых вошла в пансион А.М. Бонч-Осмоловской. Дверь закрылась, с таким же чмоком присосавшись к косяку.

– Куда теперь? – спросила Даша родителей, но они почему-то промолчали. Дашин голос раскатился гулким эхом и пропал под сводами высоких потолков. В ответ лишь звякнули прозрачные висюльки огромной хрустальной люстры.

Казанцевы молча поднялись на пять массивных мраморных ступенек, ведущих в бельэтаж, повернули направо и уперлись в высокую черную дверь, на которой тоже золотом по черному было написано: «Директор пансиона Александра Модестовна Бонч-Осмоловская».

– Заходите, пожалуйста, – послышалось из-за двери. Очевидно, по расчетам Александры Модестовны, вошедшие в парадную дверь Казанцевы уже должны были добраться до ее кабинета.

Даша, папа и мама, резко уменьшившиеся в размерах на фоне высоких потолков, массивных ступенек и огромных

дверей, все так же молча вступили в апартаменты директрисы пансиона.

– Здравствуйте! – приветствовала их весьма величественная женщина, высокая и крупная, в строгом темно-синем костюме, напоминающем форму бортпроводниц авиакомпаний. Вместо знаменитых «крылышек» над нагрудным карманом был приколот круглый значок с непонятным вензелем, выполненным опять же золотом по черному полю. У Александры Модестовны было холерное молодое лицо с крупными, но довольно приятными чертами и темные волнистые волосы с легкой проседью, собранные в тяжелый узел на затылке. Даша не могла бы точно определить возраст директрисы, но понимала, что она значительно старше ее мамы.

– Судя по всему, – продолжила Александра Модестовна и улыбнулась перламутровыми губами, – вы – Казанцевы.

– Точно так, – почти по-военному отчеканил Юрий Константинович, и Даша поймала себя на том, что ей тоже хочется вытянуться перед этой женщиной в струнку. Она решила подавить в себе это желание – нарочно расслабилась и даже развязно уперла одну руку в бок: знай, мол, наших.

Александра Модестовна нажала на кнопку звонка под крышкой своего стола, и вслед за короткой компьютерной музыкальной фразой во вторую дверь ее кабинета вошел мужчина, как показалось Даше, несколько маскарадного вида, потому что на нем было надето нечто вроде синей (в тон костюму начальницы) ливреи циркового униформиста.

– Михаил Петрович! – обратилась к нему директриса. – Будьте так добры, отнесите в дортуар вещи новой воспитанницы и кликните к нам Анну Михайловну.

Михаил Петрович рукой, затянутой в белую перчатку, взял у Дашиного отца тяжелую спортивную сумку, лихо кивнул головой и вышел из кабинета.

– Ну, что ж, – обратилась Александра Модестовна к Казанцевым все с той же приветливой улыбкой. – Вам придется попрощаться в моем кабинете, поскольку мы считаем справедливой поговорку «Долгие проводы – лишние слезы». Девочка сама вступит в новую семью, а в этом ей поможет... – она обернулась к двери, в которой только что исчез Михаил Петрович и, как в хорошо отлаженном иллюзионе, тут же появилась молодая женщина в платье, очень похожем на директрисино: темно-синем, с таким же черно-золотым значком на груди. – ...Анна Михайловна, классная дама Дашиного восьмого класса.

– Как восьмого? – взвилась Даша. – Я же уже перешла в девятый! Мама, ты что, не сказала? Все перепутала? – И плаксиво добавила: – Я так и знала!

– Не волнуйся так, девочка, – продолжала улыбаться Александра Модестовна. – Твоя мама ничего не перепутала. В муниципальных школах, как ты знаешь, начальный курс обучения состоит из трех ступеней, или из трех классов. В четвертом остаются не справившиеся с программой, а остальные – перепрыгивают из 3-го класса сразу в 5-й. Разве

не так?

– Так. Я не училась в 4-м классе, – кивнула головой Даша, все еще не понимая, куда клонит Александра Модестовна.

– Ну так вот! В нашем пансионе нет не справившихся с программой, и нашим детям незачем перепрыгивать через четвертый класс. Из третьего у нас все идут в четвертый, а из четвертого – в пятый. Образование у нас, таким образом, не одиннадцатилетнее, а десятилетнее. И наш восьмой класс равен девятому в общеобразовательных муниципальных школах. Тебе все понятно, Даша?

– То есть вы хотите сказать, – начала медленно соображать девочка, – что, когда во втором полугодии родители заберут меня отсюда, я смогу вернуться в свой 9-й «А»?

– Именно так, – согласилась с ней Александра Модестовна, – только я искренне надеюсь, что тебе у нас понравится и ты останешься учиться здесь и дальше.

«И не надейся!» – подумала Даша, зло глядя в черные глаза директрисы.

– Ну, не будем далеко загадывать, – Александра Модестовна снисходительно потрепала по плечу свою новую воспитанницу и обратилась к застывшим в нелепых позах ее растерянным родителям: – Прощайтесь, пожалуйста, и Анна Михайловна отведет вашу дочь во двор пансиона. Там через пятнадцать минут начнется торжественная линейка, посвященная началу учебного года.

Даша бросилась на шею маме. Их вместе, вдвоем, обнял

папа, и они весьма надолго застыли скульптурной аллегорической композицией «прощание». Они, наверно, стояли бы так всю оставшуюся жизнь, если бы Александра Модестовна с бесконечным терпением в голосе не предложила все-таки расстаться. Папа, очнувшись, не без труда отцепил Дашины руки от маминой шеи. С виноватым лицом и дергающимися губами он вывел жену из кабинета директрисы частного пансиона.

Даша обреченно смотрела им вслед, а в мозгу бились слова: «Все! Бросили! Кончено!» И вздрогнула, когда ей на плечо легла рука Анны Михайловны.

– Пойдем, Даша, к классу, – мелодичным голосом проговорила Анна Михайловна. В нем, в этом голосе, было столько молодой силы и жизнерадостности, что Даша несколько приободрилась. «А вроде она ничего, не злая», – подумала она о своей классной руководительнице, которую Александра Модестовна, видимо, для смеха называла классной дамой.

Оглядываясь на дверь, будто ожидая еще раз увидеть в ее проеме родителей, Даша пошла за Анной Михайловной к другим дверям в углу кабинета директрисы. Оттуда они попали в узкий коридорчик, который, изгибаясь буквой «Г», вывел их опять на мраморную площадку перед дверью кабинета Александры Модестовны. Анна Михайловна обогнула лестницу, ведущую вверх, и стала спускаться с бельэтажа вниз. Там оказалась еще одна массивная дверь. Толкнув ее,

Анна Михайловна вывела Дашу на залитый солнцем дворик, где уже чинно стояли в ряд учащиеся пансиона А.М. Бонч-Осмоловской. По сравнению с Дашиной огромной школой их было немного. В пансионе было всего по одному классу в каждой параллели, а учеников в каждом из них – не больше пятнадцати. Таким образом, во внутреннем дворике старинного особняка на Васильевском острове Санкт-Петербурга на торжественную линейку выстроились столько человек, сколько их собралось бы в Дашиной школе в параллели восьмых классов и парочке девятых.

– Познакомьтесь с вашей новой подругой, – предложила своему классу Анна Михайловна. – Ее зовут Дашей Казанцевой. Прошу любить и жаловать. – Учительница подтолкнула Дашу к долговязой худенькой девочке с жиденьким белобрысым хвостиком и добавила: – Становись, Даша, рядом с Лерой Веденеевой. У вас и кровати в дортуаре будут рядом. Есть смысл подружиться.

Анна Михайловна удалилась, а Даша вопросительно посмотрела в глаза Лере: мол, как? Будем дружить? Лера равнодушным взглядом скользнула по Дашиному лицу и завела глаза к небу, голубую чистоту которого не омрачало абсолютно ничего, а потому и смотреть на него было незачем. Даша независимо пожала плечами и с любопытством оглядела стоящих рядом девочек. Все они, как и Даша, были одеты в клетчатые юбки и синие жилетки с золотыми пуговицами. На ученицах младших классов, стоящих напротив, вместо

юбок были надеты клетчатые сарафанчики на кокетке. Старшеклассницы выглядели лучше – у них были строгие синие платья с клетчатой отделкой. Даша опустила взгляд на ноги учениц пансиона и увидела, что не носить белые гольфики, очевидно, позволялось только взрослым девушкам. Что ж, придется, видимо, с гольфиками смириться. Даша уже немного пришла в себя от новых впечатлений, когда вдруг ее пронзило осознание того, что на всем школьном дворе ни в одном классе она не видела ни одного мальчишеского лица. Ей стало страшно. Что еще за новости? Неужели все мальчишки одновременно заболели или не успели вернуться из летних поездок? Нет! Ерунда! Такого просто не может быть! Куда же она попала?

Даша ткнула в бок стоящую рядом Леру и шепотом задала вопрос, ответ на который уже предчувствовала:

– Слышь, Лера! А где все парни?

– Какие еще парни? – недовольно откликнулась соседка.

– Обыкновенные! В джинсах и с наглыми рожами!

– Здесь и без парней всяких рож хватает, – сквозь зубы ответила Лера.

– То есть... ты хочешь сказать, что это... женская школа? – Даша наконец решилась задать вопрос в лоб.

– Представь себе, женская! Можно подумать, что ты не знала, куда ехала, – Лера смотрела на Дашу с явным неодобрением.

– Не знала, – проямлила Даша упавшим голосом.

Вот так номер! Вот так надули! Вот так подставили! Ей специально не сказали, чтобы она не отказалась здесь учиться. Женская школа! Каменный век! Пещерные люди! Если бы Дашу кто-нибудь спросил, почему ее так огорчило отсутствие в школе мальчишек, от которых она в своей жизни видела только неприятности, она затруднилась бы ответить. И все же даже ранее ненавистный Саха Костромин, хулиган и двоечник ее восьмого «А», казался ей сейчас куда милее долговязой белобрысой Леры.

Даша теперь совершенно другими глазами увидела маленький чистенький дворик – настоящий петербургский колодец, только чуть-чуть больше тех, которые так любят показывать гостям города на экскурсиях. Она теперь поняла, что выхода на улицу из дворика нет. Со всех четырех сторон его окружали четырехэтажные стены пансиона. И вот тут-то Даше стало ясно, почему с такой тоской Лера смотрела на квадрат голубого неба над головой. Они в каменном мешке! В тюрьме! И эти форменные платья классных дам! Дамы!!! Какие еще дамы? Надзирательницы! Даша посмотрела на Анну Михайловну, и ее молодое лицо показалось ей слащавым, лживым и злобным. А девчонки-то! Рабыни! Заключенные! Клеточки на юбочках вместо арестантских полосок! И ни у кого нет ни сережек в ушах, ни колечка на пальце! И даже у старшеклассниц на лицах ни грамма косметики!

Видимо, Даша так затравленно озиралась по сторонам, что Лера сочувственно спросила:

– Неужели в самом деле не знала?

– Нет, – Даша изо всей силы помотала головой, чтобы сдержать готовые брызнуть из глаз слезы.

Лера хотела еще что-то сказать, но раздался треск микрофона, а потом голос Александры Модестовны:

– Дорогие воспитанницы!

Во дворе мгновенно смолкли голоса, классные дамы заняли позиции у рядов своих девочек, а директриса продолжила:

– Мы рады, что за лето никто не выбыл из наших классов. Это говорит о том, что, открывшись только в прошлом году, школа сразу стала на верный путь. Прошлый учебный год мы закончили без неуспевающих. Хочется, чтобы в этом году у нас прибавилось еще и отличниц! Красные доски в классах ждут новые фамилии!

Директриса что-то говорила дальше, а Даша, зацепившись мыслью за выражение «красные доски», продолжила свой внутренний монолог. Красные доски! Совсем с ума сошли! Может, у них еще и доски в цветочек есть? Интересно, что девчонки здесь по вечерам делают? Наверно, вышивают крестиком или салфеточки вяжут. Мамзели! Безмозглые тупые курицы!

После директрисы выступал еще какой-то смуглый черноволосый дядя в темном костюме, с яркой белозубой улыбкой и с золотой булавкой на галстуке. Солнечный луч, отражаясь от ее блестящей полированной поверхности, посылал

веселых зайчиков прямо в глаза Даше. Она лишь хмурилась, жмурилась – и мгновенно возненавидела дядю с булавкой!

– Это настоящий владелец нашего пансиона, – шепнула вдруг Даше в ухо Лера, – а Модестовна только руководит.

– Плевать мне на ваших владельцев и руководителей, вместе взятых, – сердито отозвалась Даша, а Анна Михайловна, строго посмотрев на нее, приложила палец к губам.

Даша уже плохо понимала, что происходит. В голове билась настойчивая мысль о коварных родителях, которые ее предали, заточили в средневековый женский монастырь, а сами уехали за границу, чтобы жить в свое удовольствие, то есть припеваючи...

После белозубого владельца пансиона выступали сначала девочки в сарафанчиках, потом – девочки в юбочках, потом – девушки в форменных платьях. И все представительницы разных возрастных категорий пели дифирамбы замечательному и единственному в своем роде пансиону А. М. Бонч-Осмоловской.

После короткого заключительного слова директрисы классные дамы повели воспитанниц в классы.

Даша поднималась по широкой лестнице на третий этаж и мимоходом вяло отмечала золоченые перила, настенные светильники в виде старинных канделябров со свечами, многочисленные зеркала и мраморные, в античном стиле скульптуры в неглубоких нишах. Да-а-а! Видимо, владелец пансиона – дядя неслабый! Влетел ему этот пансион в копеечку!

Прямо музей! Эрмитаж! И тем не менее Даша сейчас же с удовольствием вернулась бы обратно в свою старую типовую школу, облицованную по фасаду красно-коричневыми плитками, с выщербленными ступенями крыльца, с облупившимися стенами коридоров. Конечно, к новому учебному году наверняка и в старой школе что-нибудь побелили и покрасили, но зеркал не навесили и коврами, как здесь, ступеньки не устелили. Это уж как пить дать!

В классе, куда вслед за Лерой вошла Даша, стояли одноместные парты белого цвета, замечательным образом гармонирующие с белоснежным тюлем, лепниной на потолке, голубым цветом стен и даже с синими костюмами учениц и платьем классной дамы. Когда Даша села на указанное ей место у окна, то взгляд ее уперся в неожиданно белую доску. Интересно, как на такой писать мелом? Цветными мелками, что ли? Что-то там, на линейке, говорили про красные доски... Даша покрутила головой и увидела эту красную доску в одном из углов класса. Она стояла на подставке. Кричащее красное пятно нарушало бело-голубую гармонию кабинета, но, может быть, именно этого и добивались. Фамилии лучших учениц должны бросаться в глаза, и они, написанные витиеватыми буквами с завитушками и росчерками, действительно бросались. Внизу, под тремя фамилиями, было еще много свободного места для новых отличниц. Даша ненароком опустила глаза на свою юбку и поразилась тому, до ка-

кой степени в этом пансионе все было продумано. Клеточки на синем фоне юбки были прочерчены широкими белыми и тонкими красными полосками. Голубые стены – синие наряды. Много белых парт и белого тюля – широкие белые полосы на юбках и белые гольфики учениц. Одна небольшая красная доска – тоненькие красные полоски. Даша посмотрела на свою школьную форму совсем другими глазами. Она перестала казаться ей нелепой.

Первым уроком был русский язык. С мелодичным звоном, который представлял собой часть музыкальной фразы «Гимна великому городу» композитора Глиэра, в класс вошла кругленькая плотная женщина тоже в форменном синем платье. Лицо учительницы по имени Ада Глебовна было невыразительным, со слишком светлыми серыми глазами и тонкими губами, неаккуратно намазанными морковно-рыжей помадой. Только волнистые густые волосы, уложенные в прическу, как у директрисы, могли привлечь к ней чье-либо внимание, но, конечно, отнюдь не Дашино. Казанцева по отношению к Аде Глебовне, как и ко всему остальному, что касалось пансиона, заранее была настроена недружелюбно и даже враждебно. Весь урок она пыталась найти какие-нибудь огрехи в преподавании и очень надеялась, что оно будет таким же блеклым, как лицо Ады Глебовны. Но в конце концов она неожиданно обнаружила себя втянутой в спор о неологизмах и засилии иностранных слов в современном русском языке. К концу урока преподавательница уже казалась ей по-

что хорошенькой, а если бы она поровней намазала на губы помаду, так и вообще – красавицей.

Интересными показались Даше и остальные уроки. Она не очень любила точные науки, но под руководством молоденькой физички решила такую сложную задачу, с которой даже не стала бы и пытаться справиться в старой школе. Да и вообще, в обычных городских школах первого сентября, как правило, никто толком не учился. В пансионе прошли полноценные уроки, хотя и в половину короче обыкновенных. Оказалось, что на белой доске пишут специальными толстыми фломастерами, а ненужное быстро и бесследно стирает пропитанная чем-то особым губка.

Две перемены Даша прослониалась по коридору, изучая расположение кабинетов, комнат отдыха и умывален с туалетами. Несколько раз она порывалась подойти к Лере, которая с отрешенным видом стояла у окна рекреации, но каждый раз раздумывала. Успеется. Что-то не хочется ни с кем разговаривать, рассказывать о себе. На перемене между двумя последними уроками девочек повели в столовую. Она находилась на первом этаже и окончательно поразила воображение Даше. Ее потолок украшал плафон, выполненный красками пастельных тонов и являющий собой, очевидно, иллюстрацию к какому-то библейскому сюжету. Столы для каждого класса были накрыты белыми хрустящими скатертями. Даша так боялась пролить на это великолепие горячий шоколад из тонкой чашки, что почти не почувствовала вкуса ни

его, ни пышных сдобных булочек с орехами.

После уроков к Даше вдруг подошла Лера.

– Ну, как тебе у нас? – спросила она.

– Чертовы «новые русские»! Капиталисты зажравшиеся! – зло бросила ей Даша. – Горячий шоколад! Булочки в пудре! Скатерти с хрустом! Да в простых школах сегодня небось давали какой-нибудь занюханный коржик и треть стакана коричневой жижи, гордо именуемой чаем!

– Не хуже твоего знаю! – парировала Лера. – Пансион-то всего второй год существует, так что мы все до этого учились в обычных школах! Едали и коржики с жижей и даже кое-чего похуже!

– И чего ж тебя сюда занесло? – в запале спросила Даша.

– А тебя? – хмыкнула Лера.

– Так получилось... – тут же сникла Даша.

– Вот и у меня... получилось... И потом... завтра уже все будет по-другому. Сегодня праздник, а завтра – снимут скатерти, заменят тонкий фарфор на обычный общепит. А завтрак будет представлять собой геркулес или манку с маслом. Нас, вообще-то, держат здесь в черном теле. Не расслабляйся! И вообще, я хотела тебе сказать, – понизила голос Лера и тут же умолкла, потому что между ними грубо и бесцеремонно протиснулись две девочки, и одна даже довольно чувствительно пихнула Дашу локтем.

– Повежливее нельзя? – бросила им вслед Даша, но ни одна из них даже не обернулась.

Когда эти невежливые девчонки отошли на значительное расстояние, Лера опять приблизилась к Даше и сказала:

– Вот об этом я и хотела тебя предупредить.

– О чем? – не поняла Даша.

– Об этой парочке! Самые крутые в нашем классе. Покоя тебе не дадут, имей в виду! Тебя и в пансион-то приняли только потому, что они «сожрали» Валечку Федорову. Ты поступила на ее место и даже спать будешь на ее кровати.

– Как это «сожрали»? – испуганно спросила Даша.

– Так это! Извели. Прицепились к ней с прошлого первого сентября и травили весь год.

– Травили? Зачем?

– Думаю, от скуки. И еще от подлости. Главная у них – Айгуль Талиева – бензиновая принцесса.

– Как это – бензиновая принцесса?

– Очень просто. Ее папик – владелец чуть ли не всех автозаправочных станций в городе. Видела, наверно, красные буквы «Бензайт» и фирменный знак в виде трех капель.

– Ну... Кажется, что-то такое видела, – согласилась Даша. – Две капли как бы капают вниз, а одна – перевернутая, и все они заключены в треугольник. Ты это имеешь в виду?

– Во-во! А «Бензайт» – не что иное, как **БЕНЗ**ин **АЙ**гуль Талиевой! Аббревиатура такая! Ясно тебе?

Даша закивала головой, а потом решила уточнить:

– А вторая по какой части принцесса?

– Вторая – Гулькина «шестерка», Танька Евчак. Она во-

обще-то сирота, но какая-то седьмая вода на киселе то ли Гульке, то ли какому-то еще более значительному, чем ее папаша, лицу. Точно не знаю.

– Да-а-а, – протянула Даша. – Впечатляет. А твои родители кто?

– У меня только отец... Он... банкир...

– Ничего себе! – изумилась Даша. – Ну и контингентик! Надо же, куда я попала! И что, у вас все такие?

– Всекие! Но бедных здесь нет. Небось знаешь, что плата за обучение здесь высокая. Твои родители тоже должны неплохо зарабатывать, иначе ты сюда не попала бы. Так что нечего из себя голь перекатную изображать!

– Мой папа всего лишь архитектор! – с вызовом ответила Даша. – Но он хороший архитектор, поэтому на школу хватило. На полгода! В январе они с мамой вернутся из-за границы и меня отсюда заберут.

– Ну-ну, – как-то неопределенно среагировала Лера и открыла перед ней белую дверь. – Прошу в наш дортуар.

– Дортуар! – передразнила ее Даша. – А просто спальней слабо было назвать?

Глава 2

Узница

Надо же, какая темнотища! Неужели такое бывает, чтобы не видно вообще ничего! А собственно, как тут может быть что-то видно? Окон нет, щелей, из которых мог бы сочиться свет, – тоже. Дверь-то с ладонь толщиной! Чтоб он провалился, этот пансион А.М. Бонч-Осмоловской! Не зря Даша так не хотела сюда ехать! Она привалилась спиной к двери толщиной в ладонь и съехала по ней на пол. Холодно. Даша натянула на колени длинную ночную рубашку, выданную сестрой-хозяйкой Валентиной Яковлевной, доброй смешливой толстухой. Для искоренения такого порока, как зависть, в пансионе строго следили за тем, чтобы девочки ничем не отличались друг от друга. У всех было казенное белье, включая ночные рубашки, одинаковые джинсовые костюмы с футболками, в которые воспитанницы переодевались, когда возвращались с уроков. Лера говорила, что у них одинаковой была и верхняя одежда. Чтобы не путаться в вещах, у каждой девочки было несколько собственных узеньких шкафчиков, подобные которым последний раз Даша видела в детском саду. Разница была в том, что в пансионе шкафчики закрывались ключом, который выдали в первый же день. Ключ одновременно подходил ко всем Дashiным шкафчикам: в кори-

доре, в дортуаре, в умывальне, еще к прикроватной тумбочке и даже к ящику со школьными принадлежностями в классной комнате. Даша так неприлично радовалась, что в этой жизни на виду у пятнадцати девочек у нее есть нечто, закрывающееся от других на ключ, что многоопытная Лера тут же поспешила охладить ее пыл. Она сказала, что у классной дамы Анны Михайловны с очень симпатичным прозвищем – Милашка есть свой ключ, который подходит одновременно ко всем шкафам, тумбочкам и ящикам абсолютно всех девочек их восьмого класса. И время от времени Милашка проводит проверку на предмет того, не хранят ли девочки чего недозволенного. Даша спросила, что в пансионе считается недозволенным. Оказалось, что это косметика, лекарственные препараты, деньги, игральные карты, порнография и даже глянцевые девчачьи журналы.

– Ну... про порнографию, это я понимаю, а вот чем глянец пансиону не угодил?

– Модестовна считает, что подобные журналы существуют для очень низко интеллектуальных особ, к каковым она не желает относить воспитанниц своего пансиона, – объяснила Лера. – Она считает эти журналы опасными для юных душ, оболванивающими и растлевающими.

Честно говоря, Даша и сама иногда удивлялась глупости и пошлости материалов, которыми пестрели девчоночьи журналы, но никогда не считала их опасными.

– А косметика? Чем косметика-то может повредить?

– Директриса говорила, что, во-первых, она может быть просроченной и нанести вред здоровью, а во-вторых, она считает, что мы еще не умеем ею правильно пользоваться.

– Что значит не умеем? По-моему, больших знаний это не требует.

– А она говорит, что мы красимся вульгарно, и пансион нас научит, как это делать правильно.

– И что, здесь действительно учат?

– Пока еще не учили, но к некоторым праздникам сюда приходят мастера-визажисты и делают нам макияж.

– И как?

– Вообще-то, здорово... Да ты и сама скоро увидишь.

– А духи тоже относятся к косметике? – очень заинтересованно спросила Даша, поскольку привезла с собой маленький флакончик любимых духов.

– Духи Модестовна вообще не переносит. Она считает, что в современном обществе совершенно утрачена культура их применения.

– То есть?

– То есть ей кажется, что ими пользуются неумеренно и часто без соответствия возрасту и ситуации.

Даша с сомнением пожала плечами, решив не выдавать Лере свой секрет, а потом еще раз выразила сомнение на предмет того, чтобы один ключ подходил сразу ко всем шкафам. Лера расхохоталась. Оказалось, что у директрисы хранится так называемый Царский Ключ, который подходит во-

обще ко всем дверям пансиона.

– Неужели даже к комнатам преподавательниц? – не могла поверить в рассказанное Даша.

– Представь себе! Даже у них нет настоящей личной жизни!

– Как же так? Это же ущемление человеческих прав! Они могут возмутиться!

– Им наверняка неплохо платят за ущемление этих прав. Их же предупреждали обо всем, когда они устраивались сюда на работу.

– И что... директриса... ну, она пользуется этим Царским Ключом?

– Естественно. Раз в месяц она устраивает такой шмон, мало не покажется. Прикинь, в конце года уволили математичку, потому что у нее в комнате нашли журналы «Playboy».

– Да ну!

– Вот тебе и «да ну»!

Даша поежилась. Ночная рубашка была длинной, но с короткими рукавами. Она почувствовала, что продрогла, зато глаза привыкли к темноте, и она даже в отсутствие щелей и окон смогла наконец разглядеть, где находится. Она сидела у двери маленького, абсолютно пустого помещения типа кладовки или чулана и удивлялась тому, что страх прошел. Она думала, что в этой комнате ее ожидает нечто более ужасное,

чем пыль и спертый воздух.

Поднявшись на ноги, Даша ощупала стены. Они были выложены кирпичом и не оштукатурены. В каждом углу комнаты находилось по выступу вроде кирпичной колонны. Даша уже знала, что старинный особняк, который директриса каким-то образом получила под пансион, отреставрирован и отремонтирован не весь. Здание в плане имело вид квадратной буквы «О» с замкнутым двориком внутри, и все этажи северной перекладки этой «О», называемые Северным Корпусом, пока были закрыты. В будущем, возможно, довольно далеко, Александра Модестовна планировала провести ремонт и там. Значит, бензиновая принцесса Айгуль со своей «шестеркой» Танькой заманила Дашу в Северный Корпус. Интересно, откуда у нее ключ от этой каморки? Подходит ли к ней Царский Ключ Модестовны? Впрочем, какая разница. Никто не знает, что Даша находится здесь, и никто не придет ее выручать.

Даша опять поежилась. Неужели Гулька решила ее тут замуровать? Сгноить заживо? Зачем?

Гулькин оруженосец, Танька Евчак, или по-местному Чака, сегодня разбудила Дашу посреди ночи и грозно потребовала:

– Иди за мной!

– Да пошла ты! – огрызнулась Даша и отвернулась от нее на другой бок.

Чака сорвала с нее одеяло и прошипела:

– Я сказала, иди за мной!

Даша нехотя поднялась с постели, чтобы вырвать у нее одеяло, но рядом уже стояла Гулька Талиева.

– Чего ты такая нервная, Казанцева? – шепотом спросила она. – Боишься нас?

– Чего мне бояться? – пожала плечами Даша. – Что вы мне можете сделать и, главное, зачем?

– Правильно понимаешь, – согласилась Айгуль, – бояться тебе нечего, а потому пойдем с нами.

– Куда?

– На экскурсию по пансиону. Ты же нигде не была, ничего не видела.

– А днем нельзя сходить на экскурсию? Что-то мне сейчас спать хочется.

– Если Милашка нас днем на такую экскурсию отпустит, ее тут же отстранят от работы. Ты же не хочешь, чтобы от нас забрали душку Анну Михайловну, а, Казанцева?

– Не хочу, – кивнула головой Даша, – но я также не хочу тащиться сейчас на экскурсию.

– Трусишь, Дашуля? – презрительно скривилась Айгуль.

Даша понимала, что Гулька пошла по верному пути. Кому захочется расписаться в трусости? Даше тоже не хотелось, тем более что она действительно почему-то не боялась. Она обула синие казенные тапочки с голубыми помпончиками, вырвала у Чаки свое одеяло, бросила его на постель и сказала:

– Ну ладно, идем.

– Сверни одеяло так, будто ты под ним лежишь, – приказала Айгуль. – Милашка может наведаться с проверкой.

Даша послушно исполнила приказание и пошла вслед за Талиевой и Чакой. Айгуль открывала запертые двери каким-то ключом, который для этого достала из-за ворота ночной рубашки.

Они довольно долго крались по тускло освещенным коридорам, сворачивали на какие-то лестницы, то поднимались, то опускались по ним, то снова попадали в коридоры. Даша окончательно запуталась и думала о том, что если девчонки сейчас от нее сбегут, то она ни за что не найдет дороги назад и будет вечно скитаться по коридорам и этажам пансиона, как какое-нибудь привидение. Она улыбалась этим своим мыслям, когда Гулька с приятельницей остановились у ничем не примечательной двери с блестящей золотистой ручкой.

– Сейчас начнется самое интересное, – пообещала Айгуль и опять достала из-за пазухи ключ, подвешенный на длинной цепочке. – За этой дверью находится очень необычная комната. Не побоишься войти в нее одна?

У Даши что-то екнуло внутри, но показать свое волнение Гульке она не хотела и ответила вопросом на вопрос:

– Отчего бы не войти?

– Вот и я про то: отчего бы не войти! – передразнила ее Айгуль. Оглянувшись на всякий случай по сторонам, она

сняла с шеи цепочку, на которой болтался массивный желтый ключ, и два раза повернула его в скважине. – Там будет темно, но справа, рядом с дверью, выключатель. Нажми его и ориентируйся по обстоятельствам. Идет?

Даша опять кивнула, потому что говорить не хотела: голос наверняка выдал бы ее своей дрожью.

Гулька рванула на себя дверь. Даша, для чего-то зажмурившись, шагнула в темный провал.

– Не скучай, – услышала она голос Талиевой, потом шлепок о косяк толстой двери и наконец двойной поворот ключа.

Даша открыла глаза, в крошечной тьме не увидела впереди себя ничего, здорово испугалась и забарабанила кулаками в дверь. В ответ ей, с другой стороны, не раздалось ни звука. Даша зашарила рукой по стене справа от двери. Никакого выключателя! Она дошла почти до противоположной стены, но выключателя не обнаружила. Может быть, она со страха перепутала право и лево и поэтому стоит вернуться к двери? С другой стороны двери никакого выключателя тоже не оказалось. Пошутили девчонки? Молодцы! Ну ничего... Сейчас откроют! Не уморят же ее здесь.

...Даша почувствовала, что продрогла окончательно. Сколько она просидела, скорчившись у двери, неизвестно. Может быть, даже очень недолго, но минуты пребывания в этой комнате явно стоило бы приравнять к часам. Даше

наконец сделалось страшно. А что, если Гулька в самом деле решила ее здесь уморить? Дашин хладный труп найдут только летом во время ремонта Северного Корпуса. Наверно, учинят следствие: что? да как? да кто виноват? А Гулька в это время будет отдыхать вместе со своим бензиновым папенькой где-нибудь на Канарах, откуда они, может, и возвращаться-то не посчитают нужным. Даша содрогнулась. Какой кошмар! Неужели стоит распрощаться с жизнью? Ну нет! Не на ту напали! Она вскочила, чуть не разодрав ночную рубашку, изо всех сил забарабанила в дверь кулаками и закричала: – Я здесь! Меня заперли! Откройте!

Вскоре Даша поняла, что ломиться в эту дверь можно с таким же успехом, как замурованному в стены могильного склепа. Она почувствовала, что ее крики гасятся толстыми стенами и мощной дверью этого чулана. Даже если кто-то и находился рядом, всего лишь по другую сторону двери, то наверняка ничего не слышал.

Что же делать? Что-то ведь надо делать! Даша решила для начала обойти комнату по периметру, ощупывая руками стены. Вдруг среди этой кирпичной кладки есть еще одна дверь! Вдруг она откроется! Вообще-то Даша понимала, что этого не может быть, что Гулька с Танькой все как следует проверили, но сидеть сложа руки не хотелось.

Ничего нет! Никакой двери! Только холодный шершавый кирпич! Выступы, впадины, выступы, впадины... Стена, колонна, стена, колонна... Настоящая усыпальница! Прямо пи-

рамида Хеопса! Даша всхлипнула, уперлась лбом в одну из колонн и в отчаянии стукнула кулаком в соседнюю стену.

Словно в ответ внутри колонны раздался металлический скрежет, лязг и звон. Даша в испуге отскочила назад и, как оказалось, очень вовремя, потому что колонна вдруг отъехала от нее вперед и через несколько минут замерла в черном провале. Дашу вновь накрыла тишина. Вот так номер! Неужели тайник? И что там? Золото? Бриллианты? А на что ей тайник с бриллиантами? Ей бы выход из этого могильника! Могильник... А что, если там настоящая могила или усыпальница со скелетами и полуразложившимися трупами? Ужас!!! И за что ей такие страдания?

Даша постояла еще немного посреди комнаты, дрожа всем телом от холода и страха, а потом все же заставила себя сделать шаг в сторону черного провала, открывшегося за колонной. Скелет так скелет! Труп так труп! Неизвестность еще хуже! Вытянув вперед руки, она прошла вслед за отъехавшей колонной.

Впереди было все так же темно. Наконец ее руки наткнулись на кирпичную колонну. Рядом справа не было никакого прохода и никакого намека на дверь или выход, на встроенный сейф или чью-то могилу. Опять сплошная кирпичная стена.

Зато слева была пустота. Даша с бешено колотящимся сердцем шагнула в эту пустоту. Через пару минут ее руки опять уперлись в стену, но не кирпичную, а шершавую, де-

ревянную. Даша пыталась понять, не дверь ли она ощупывает, когда эта деревянная стена вдруг рухнула ей под ноги. Девочка зажмурилась, потому что глаза резанул неожиданно яркий свет. Она простояла в полном столбняке некоторое время без движений и даже без чувств, но никто на нее так и не напал. Даша чуть приоткрыла один глаз, а потом сразу оба.

Она стояла перед маленьким, вроде чердачного, оконцем, в которое светила яркая лимонная луна. Девочка огляделась. Она находилась на крошечной площадке черной (если сравнивать ее со всеми остальными, виденными в пансионе) лестницы. Ее ступеньки вели и вверх, и вниз. Окно, видимо, было прикрыто фанерным щитом, который соскользнул ей под ноги, когда Даша его ощупывала.

Девочка выглянула в окно. Оно выходило на набережную реки Смоленки. За ажурным парапетом маслянисто плескалась черная вода. Даша находилась на третьем или четвертом этаже Северного Корпуса. Если на четвертом, то лестница вверх вела на чердак. Чердак – это сейчас, пожалуй, неактуально. Даша начала осторожно спускаться по замусоренной и захлавленной лестнице вниз. Надо срочно определить, на каком этаже она находится. Окно, с которого упал фанерный щит, было первым. Та-а-ак... теперь – второе... Снимем и с него щит, чтобы было светлее. Вот – третье окно, а вот – и дверь на улицу!

Ну и замочек на этой двери! Как в сказке! Для него навер-

няка подошел бы Золотой ключик Буратино! Даша усмехнулась собственным мыслям и обреченно качнула рукой большой амбарный замок. Он ржаво скрежетнул и, разомкнувшись, упал вниз. Удивленная Даша взяла его в руки. С него посыпались обильные ржавые хлопья, а потом с сухарным щелчком отвалилась дужка. Повезло. А мог бы так проржаветь, что и ключом не открыть!

Даша отбросила замок и потянула за ручку двери. Она не поддалась. Даша поднатужилась, надавила на дверь плечом, и дверь приоткрылась. Девочка высунула на улицу голову. Никого. Пусто. Еще бы! Середина ночи!

Бывшая узница шагнула на тротуар и тут же обняла себя руками за плечи. Ну и холод! Немудрено! Дело ведь идет к октябрю. Даша подошла к парапету, зачем-то глянула в тяжелые глянцево-черные воды и обернулась к пансиону. Так! Надо запомнить! Этот выход может ей здорово пригодиться. Дверь, из которой она вышла, была самой крайней слева, значит, очень близко к обжитым помещениям Восточного Корпуса. Именно там находился дортуар их восьмого класса. Как бы туда попасть? Обойти корпус и позвонить в дверь центрального входа? Но что сказать Михаилу Петровичу? Что Модестовне? Начнется разбирательство, и Даше тогда вообще не будет жизни в пансионе.

Нет. Пожалуй, стоит вернуться на исходную позицию. Но как закрыть за собой дверь? Замок сломался окончательно и бесповоротно. Даша огляделась вокруг. Ничего достойного

внимания не наблюдалось. Разве что... Она подошла к газону, тянущемуся вдоль набережной, и не без труда вытащила из земли дощечку, на которой владелец близлежащей кафешки не слишком красиво и ровно написал: «Через пять метров за углом горячая выпечка и напитки». Даша решила, что те, кому нужны выпечка и напитки, найдут их и так, по запаху, который даже ночью доносится на набережную с каждым порывом ветерка.

Девочка стремглав бросилась к двери пансиона, потому что услышала рев приближающейся машины. Еще не хватало, чтобы кто-то увидел ее здесь в белой пансионской ночнушке, синих тапочках с помпончиками и с дощатым призывом купить за углом выпечку!..

Даша так дрожала от холода, что с трудом смогла попасть палкой своей дощечки в ручку двери. Хорошо еще, что дверь открывается наружу и ручка у нее такая, куда можно засунуть палку. Таким нехитрым способом удалось все-таки перекрыть вход с улицы в Северный Корпус, хотя, конечно, не слишком надежно.

Поднимаясь вверх по лестнице, Даша толкала двери на каждой площадке. Незапертыми оказались двери на первом этаже и на третьем, но Даша решила сначала подняться опять на четвертый, чтобы разобраться с отъехавшей колонной. Надо бы попытаться вернуть ее на место и понять, каким образом эту колонну можно снова отодвинуть. Ина-

че тайна черного хода не имеет никакого смысла. И тайной сможет завладеть Айгулька.

Даша вернулась на четвертый, по пути снова закрыв фанерными щитами окна. Та-а-ак! Вот она, колонна... Как же ты, уважаемая, отъехала? Даша осмотрела и для надежности прощупала руками все стены рядом с колонной – и ничего, похожего на выключатель или кнопку, не нашла. Кирпичи, которые она по очереди нажимала, тоже оказались обычными. Неужели открыть этот ход можно только изнутри Дашиной темницы? Нелогично. Тот, кто придумывал этот ход, должен был учитывать, что иногда приходится возвращаться туда, откуда убежишь. И он наверняка это учел, только вот куда спрятал выключатель механизма...

Колонна доехала почти до окна лестничной площадки. Может быть, механизм спрятан в окне? Даша дрожащими пальцами ощупала старую раму, все ее изгибы и шершавости, а потом сунула руку под подоконник. Там она нашла какой-то выступ и нажала на него. Выступ вдавился в деревяшку подоконника, а колонна стронулась с места и, скрежеща и лязгая чем-то внутри себя, медленно стала на место, закрыв своим кирпичным телом вход в каморку.

На полу колонна оставила полосу раздавленного мусора. Для конспирации Даша расшвыряла его ногой, хотя тут же поняла, что колонну придется выдвигать снова. Надо разобраться, каким образом ее можно сдвигать изнутри. Девочка снова нажала на выступ под подоконником, и колонна опять

подъехала к окну.

Прерывисто вздохнув, Даша опять ступила под своды своей темницы. А вдруг колонна станет на место и никогда больше не сдвинется? Что тогда делать? Умереть на этом пыльном полу? Ну нет! Она не доставит Гульке такого удовольствия! Даша прикинула, где она могла стукнуть кулаком, когда колонна сдвинулась с места, и начала снова ощупывать стену, даже постучала в нескольких местах. Ничего! Одни кирпичи! Как ни стучи по ним, ничего никуда не движется. Как же у нее тогда получилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.